

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙDOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 04.08.2020
Принята к публикации: 28.08.2020**Марк Владимирович ШУГУРОВ**Саратовская государственная юридическая академия
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская 1.
shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

ПРАВО ЕАЭС В СФЕРЕ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматриваются ключевые особенности права Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере науки, технологий и инноваций с точки зрения вызовов Четвертой промышленной революции. Цель исследования заключается в анализе состояния правового регулирования научно-технологического сотрудничества государств – членов и выявлении возможных сценариев его развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе подготовки исследования использовались акты, составляющие право ЕАЭС, а именно международные договоры и документы (решения, распоряжения и рекомендации) органов Союза. Кроме этого, автор учитывал обобщения относительно уровня развития научно-технологической интеграции, сформулированные представителями экономической науки. Исследование основано на базе общенаучных методов познания (системный и структурный подходы, анализ и синтез, индукция и дедукция), а также специальных методов, используемых в юридической науке (сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-догматический). Однако наиболее важным выступил системный подход, позволивший представить право ЕАЭС в качестве сложноорганизованного и многоуровневого комплекса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе проведенного анализа автор пришел к следующим исследовательским результатам. Право в сфере НТИ – подсистема права ЕАЭС как тако-

вого; предметом регулирования являются различные формы взаимодействия (координация, кооперация, интеграция). Анализируемый правовой комплекс представляет собой единство подсистемы первичного и вторичного права, причем первичное право отличается фрагментарностью. В свою очередь большое значение в регулировании научно-технологического сотрудничества принадлежит рекомендательным актам Евразийской экономической комиссии. Фактором развития права ЕАЭС в сфере НТИ на современном этапе является признание научно-технологического взаимодействия в качестве самостоятельного интеграционного направления.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе анализа автор обращался к дискуссионным моментам, высказанным в научной литературе относительно полноты правового регулирования научно-технологического сотрудничества и вариантов его дальнейшего совершенствования. К числу важнейших выводов исследования относится положение о необходимости дальнейшего совершенствования прежде всего договорной базы, а также устранения дисбаланса в регуляторной среде, означающего отставание уровня правового регулирования научно-технологического сотрудничества в энергетике по сравнению с правовым регулированием в сфере промышленности и АПК. В качестве принципов развития права ЕАЭС в сфере НТИ предложено: четкое следование правовой модели Союза; учет современных ин-

фраструктурных изменений, связанных с распространением цифровых платформ; сбалансированность первичного и вторичного права; учет усиления роли программного и стратегического регулирования; сочетание дифференциации и интеграции правовых режимов сотрудничества в сфере традиционных и новых исследований и разработок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Евразийский экономический союз, право ЕАЭС, научно-технологическое сотрудничество, интеграционные процессы, Индустрия 4.0, инновационная система, программное регулирование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шугуров М.В. 2020. Право ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций: системный подход. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 44–63. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>

Mark V. SHUGUROV

Saratov State Law Academy,
1, Vol'skaya st., Saratov, Russian Federation, 410056
shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

Research article
Received 04.08.2020
Approved 28.08.2020

LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE FIELD OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION: A SYSTEMIC APPROACH

INTRODUCTION. *The article discusses the main features of law of the Eurasian Economic Union in field of science, technology and innovation (STI) from the point of view of new challenges of Industry-4.0. The purpose of present study is analysis of current legal regulation of science and technology interconnection of member states and revealing the possible scenarios of its developing.*

MATERIALS AND METHODS. *In the course of preparation of this study, there have been used the act constituting the Union's law, namely international treaties and documents (decisions, directions and recommendations) of institutional bodies. Additionally, author took into account the generalization of academic economists as to level of science and technology integration within the EAEU. This study is premised on using the general methods of cognition (systemic and struc-*

tural approaches, analysis and synthesis, deduction and induction) and methods of legal research (comparative, historical and formally-dogmatic). However, as most important has become the systemic approach allowing to understand the EAEU's law in appropriate field as a complicated and multi-level system.

RESEARCH RESULTS. *Based on conducted analysis, the author has come to following research findings. The law in field of STI is a subsystem of EAEU's law as such; subject matter of its regulation is a various forms of interconnection (coordination, cooperation and integration). Analyzed legal complex is unity of subsystems of primary and secondary law, while primary law is characterized by fragmentation. In turn, a great importance in regulating the science and technology interaction belongs to recommendatory acts of Eurasian economic commission. The factor of development of*

Union's law in regarded field at the current stage is the recognition of science and technology interaction in a kind of separate integrative direction.

DISCUSSION AN CONCLUSIONS. *The author has ascertained the controversial issues concerning the completeness of legal regulation of science and technology cooperation and mainstream of its further improvement. The treaty base is needed to be improved first of all. Additionally, removing the imbalance in regulatory environment that means the lag of level of legal regulation of science and technology cooperation in energy sector over regulation in area of industry and agriculture is already in great demand. As a principles of improvement of the Union's law in field of STI, author has suggested followings: strict adherence to legal model of the EAEU; taking into account the modern infrastructural trends closely connected with diffusion of digital platforms; equilibrium of primary and secondary law; increasing the role of program and strategic regulation; conjunction of differentiation and integration of legal regimes in area of traditional and emerging*

research and developments.

KEYWORDS: *Eurasian Economic Union, law of EAEU, science and technology cooperation, integrative processes, Industry 4.0, innovation system, program regulation.*

FOR CITATION: Shugurov M. V. Law of the Eurasian Economic Union in the Field of Science, Technology and Innovation: a Systemic Approach. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 3. P. 44–63. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of research project No. 20-011-00780 ("Model of legal regulation of scientific, technological and innovative integration within the EAEU and challenges of the Fourth industrial revolution").

Введение

К одному из ключевых векторов интеграционного взаимодействия государств в рамках международных организаций региональной экономической интеграции относится научно-технологическое сотрудничество, тесно связанное с взаимодействием в сфере инноваций. Данная закономерность непосредственным образом характерна для Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Одной из важнейших задач, стоящих перед Союзом, является ускорение темпов научно-технологической и инновационной интеграции, ее углубление и расширение, а также разработка и реализация современных решений организационного и инфраструктурного характера. Все это приобретает особую актуальность в условиях перехода к Четвертой промышленной революции, предполагающей новый технологический базис экономики и одновременно детерминирующей необходимость совершенствования правового регулирования региональной научно-технологической и инновационной интеграции. Это предполагает разработку эффективных правовых средств и инструментов, обеспечение их взаимной связанности и непротиворечивости, не

говоря уже о всесторонней продуманности самой модели правового регулирования.

О том, что предстоит большая работа по развитию и укреплению правовой основы Союза в сфере науки, технологий и инноваций (далее – НТИ), свидетельствует существование серьезной проблемы, на которую в свое время указала Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК). Как отмечалось в ее первом докладе об интеграционных процессах в ЕАЭС, «в том, что касается реакции Союза на научно-технологический вызов, следует отметить, что она весьма ограничена, поскольку правовая основа для сотрудничества минимальна, интеграционные инструменты и механизмы не определены, Договор о Союзе содержит лишь отдельные фрагментарные нормы, но не предусматривает программу интеграции в этой области»¹. Следовательно, коренная проблема заключается во фрагментарности правовых основ. Как представляется, в настоящее время это дополняется отсутствием общего стратегического планирования и программного обеспечения научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС.

Важнейшей формой международного регионального сотрудничества является со-

¹ Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. 2016. С. 24.

трудничество в научно-технологической сфере, которое «обеспечивает широкий диапазон знаний, ресурсов, оказания помощи в формировании потенциала для объединения ресурсов стран, участвующих в интеграционных альянсах; гарантирует эффективное развитие инновационных процессов и, как результат, усиливает конкурентоспособность стран» [Sopilko *et al.* 2018:616]. В литературе подчеркивается, что, поскольку межгосударственное научно-технологическое сотрудничество осуществляется на региональном уровне, его правовые аспекты требуют специального осмысления с позиции современной юридической науки [Абдуллин и др. 2019:22]. В нашем случае это предполагает выработку четких концептуальных представлений о праве ЕАЭС в сфере НТИ, основанных на обобщении существующего положения дел, а также направленных на прогнозирование развития правового регулирования, выявление его возможных сценариев, и, наконец, на выработку практических предложений. Все это составляет цель настоящей статьи.

Как и во всяком исследовании, важна исходная гипотеза, представляющая собой первичное теоретическое обобщение, которое требует своего подтверждения. В качестве гипотезы исследования выступает тезис о том, что, несмотря на фрагментарность, некоторые блоки данного правового комплекса уже функционируют, хотя в целом комплексное правовое регулирование научно-технологического сотрудничества и интеграции в рамках ЕАЭС находится в процессе своего становления, за которым должно последовать его развитие. С высказанной нами точкой зрения контрастирует существующее утверждение о том, что в ЕАЭС существует правовой вакуум в регулировании вопросов сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития [Дьяконова, Рахматуллина 2019:136].

Наиболее эвристически ценным для достижения цели статьи и проверки исследовательской гипотезы выступает системный подход. Это означает, что анализируемый правовой комплекс должен рассматриваться как достаточно обширная система с присущими для нее внутрисистемными закономерностями. В свою очередь она представляет собой подсистему права Союза как такового. Представленное исследование предполагает обращение ко всему кругу имеющихся

здесь правовых проблем и обоснование подходов к их решению.

1. Право ЕАЭС в сфере НТИ: природа и предназначение

Усиление значения правового регулирования сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере НТИ, осуществляющегося по многообразным тематическим направлениям, является предпосылкой выделения в рамках права Союза вполне самостоятельной подсистемы. Ее следует концептуализировать как *право ЕАЭС в сфере НТИ*, предметом регулирования которого является сотрудничество не только государств – членов, но и сотрудничество субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности. Последние представлены юридическими лицами – предприятиями, научными организациями, университетами и т.д. Как таковое, право ЕАЭС в данной сфере – важнейший элемент нормативной среды, необходимой для технологической модернизации промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта и т.д., без чего достижение целей Союза невозможно. Следует полностью согласиться с подходом о том, что научно-технологическое сотрудничество является аспектом устойчивого экономического развития, способствующего улучшению условий жизни населения. Причем крайне необходимой является не двухсторонняя кооперация, а создание общего научно-технологического пространства, являющегося незаменимым элементом гуманитарного, информационного и промышленного сотрудничества в ЕАЭС [Андропова и др. 2018:119]. Иными словами, актуальным вопросом является развитие многостороннего сотрудничества в институциональной среде общего научно-технологического пространства. Причем, если исходить из концепции глобальной регионализации, отражающей возникновение новых полюсов современного мира [Lagutina 2014: 97-98], эффективно функционирующее научно-технологическое пространство следует расценивать как фактор весомости Союза в современной глобальной миросистеме.

В литературе высказывается вполне обоснованное утверждение о том, что «сфера НТИ изначально не входила в соглашение по экономической интеграции как самостоятельное направление межгосударственных инициатив»².

² *Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России. Доклад НИУ ВШЭ / отв. ред. Т.А. Мешкова. 2019. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 58.*

Однако, не являясь на первом этапе функционирования Союза (2015–2018 гг.) самостоятельным направлением, оно так или иначе воспринималось как «сквозной» аспект других направлений интеграционного взаимодействия, а именно сотрудничества в сфере промышленности, сельского хозяйства, транспорта, энергетики. В дальнейшем логика развития интеграционных процессов привела к тому, что в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов 2018 г., если судить по разделу 2 «Формирование “территории инноваций” и технологического прорыва»³, взаимодействие в рамках НТИ было признано в качестве одного из самостоятельных направлений интеграционных процессов.

Все это приводит к постановке фундаментального вопроса теоретического характера о сущностной характеристике интересующего нас права. Разумеется, ответ на данный вопрос предполагает учет результатов дискуссий о природе права ЕАЭС, в рамках которых высказана позиция о праве ЕАЭС как отражении международно-правовой модели интеграции [Капустин 2015; Ануфриева 2017; Петрова 2017; Соколова 2017; Pierskaaya 2018]. Действительно, анализируемый нами правовой комплекс во многом отражает логику функционирования и развития поля права Союза как такового, коррелирует его природе и отражает его модель. Но осуществление механической экстраполяции вряд ли допустимо. Здесь более верным представляется иной методологический ход, а именно – усмотрение «прорастания» первого во втором. Кроме этого, для права в сфере НТИ характерны не только общие, но и специфические моменты, которые подчас могут стать дополнительным аргументом в пользу корректировки матрицы права Союза в целом, что означает, например, создание условий для реализации потенциала наднациональных аспектов правового регулирования. Так, в литературе отмечается, что ЕАЭС заметно отстает от ЕС как в отношении автономии своего правового порядка, так и способности гарантировать эффективное функционирование организации [Karliuk 2017:60]. Представляется, что межправительственная модель архитектуры Союза рас-

считана прежде всего на обеспечение интересов государств – членов, но не на реализацию наиболее эффективных инструментов интеграции в ответ на вызовы глобальных мегатрендов.

В нашем случае нельзя также не обратиться к специфической характеристике общественных отношений, которые право ЕАЭС в сфере НТИ призвано регулировать. Родовым понятием, характеризующим эти отношения, является понятие «сотрудничество», а именно научно-технологическое и инновационное сотрудничество государств – членов, поскольку первое сегодня существует в неразрывной связке со вторым. Подобного рода сотрудничество осуществляется в разных формах – конкуренция, координация, коллаборация, кооперация, интеграция⁴. Не будем забывать и о содержательно-тематических формах международного научно-технического сотрудничества (совместные исследования и разработки, обмен научной информацией, передача технологий и т.д.).

В связи с тем, что взаимодействие в сфере НТИ осуществляется в интеграционном объединении государств, казалось бы, речь должна идти не столько о сотрудничестве в форме кооперации, сколько о сотрудничестве как интеграции. В последнем случае право ЕАЭС в рассматриваемой сфере должно квалифицироваться в качестве интеграционного права. Однако следует констатировать, что в терминологическом аппарате, используемом в правовых актах ЕАЭС разной юридической природы, относящихся к интересующей нас сфере, отсутствует терминологическая определенность. Подчас заметно одновременное использование понятий – взаимодействие, сотрудничество, координация, кооперация, интеграция. Акты первичного и вторичного права, как это будет продемонстрировано далее, стремятся урегулировать, подчас одновременно, разные формы взаимодействия. С нашей точки зрения, все это говорит не о терминологической путанице, а о реальном положении дел в научно-технологическом сотрудничестве государств – членов, а именно о стремлении планомерно развивать указанные формы сотрудничества при разумеющемся исключении конкуренции.

³ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). Доступ: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/> (дата обращения: 18.05.2020).

⁴ Нечаева Е.К. 2017. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза) // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. С. 20-26.

Действительно, для того, чтобы сотрудничество приобрело форму интеграции, предполагающей наиболее тесное взаимодействие и объединение научно-технологических комплексов в одну систему, вначале необходимо развивать координацию, коллаборацию и кооперацию. Тем более это чрезвычайно важно в условиях, когда возникают новые направления НТИ, представляющие собой взаимный интерес. По мере развития и углубления кооперации и ее фазового перехода на стадию интеграции по одним направлениям могут возникать новые, еще не столь развитые кооперационные цепочки по другим направлениям. Все это вполне прослеживается, например, в принятии органами ЕАЭС решений о создании новых технологических платформ, которые дополняют перечень уже функционирующих технологических платформ. В результате возникает весьма мозаичная и постоянно обновляющаяся картина научно-технологического взаимодействия. Безусловно, каждая из форм последнего должна обрести свое правовое обеспечение.

Смысловой доминантой интересующего нас данного правового комплекса, конечно же, является направленность на обеспечение интеграционного, т.е. совместного научно-технологического развития государств – членов, что является наиболее эффективным способом ответа на современные глобальные технологические вызовы. Поскольку данные вопросы получили свое освещение в литературе [Шугуров 2020], в данной статье необходимо подчеркнуть, что для достижения этой цели используются привычные международно-правовые средства, например, принятие и выполнение международно-правовых обязательств, предусмотренных в международных договорах. На содействие выполнению этих обязательств, а также на их уточнение направлены акты вторичного права.

Осуществление анализа права ЕАЭС в сфере НТИ-интеграции ни в коем случае не должно быть оторвано от оценки реального положения дел в данном направлении интеграционных процессов. Последнее является предметом специальных научных исследований, выполненных, как правило, представителями экономической науки [Славнецкова, Мызрова 2016; Байдулин и др. 2016]. И это не случайно, ибо в соответствии

с интеграционным проектом ЕАЭС научно-технологическое сотрудничество – это составная часть экономической интеграции. Думается, что учет научных исследований, а также специальных аналитических разработок, которые демонстрируют состояние научно-технологического сотрудничества в ЕАЭС, успехи, сохраняющиеся барьеры, а также намечают дальнейшие перспективы, – важная отправная основа для исследования и понимания возникающих здесь правовых проблем.

Несмотря на достижение определенных результатов, в настоящее время констатируется факт незначительной интегрированности и своего рода «недоинтегрированности» государств – членов ЕЭС в рассматриваемой сфере. Об этом можно судить на основании того, что в настоящее время в полной мере не прослеживается реализация ряда фундаментальных признаков интеграции. Как отмечает Е.К. Нечаева, интеграция, присущая международным организациям интеграционного типа, характеризуется основными отличительными признаками, такими как формирование общего исследовательского пространства и осуществление общей или единой научно-технической политики участниками интеграции⁵. Безусловно, надежными индикаторами высокой степени интегрированности являются следующие: сформированность региональной инновационной системы; проведение согласованной научно-технологической политики; достаточно высокий уровень гармонизации национальных законодательств в научно-технической и инновационной деятельности и их согласованность с нормами регионального интеграционного права; коррелятивное соотношение национальных стратегий и приоритетов в сфере научно-технологического и инновационного развития; выполнение значимых интеграционных проектов. В ЕАЭС реализация перечисленных, а также других признаков, например, полное устранение барьеров и ограничений для трансграничного научно-технологического сотрудничества, а также функционирование общих органов управления научно-технологическим развитием отсутствует.

Следует ли из этого, что виной тому – фрагментарность интересующего нас правового комплекса? Мы полагаем, что здесь все наоборот:

⁵ Нечаева Е.К. 2017. Указ. соч. С. 27.

именно объективная «недоинтегрированность», т.е. отсутствие перехода взаимодействия государств – членов в рассматриваемой области к определенному новому качественному состоянию, является причиной указанной правовой фрагментарности. Поэтому движущим фактором дальнейшего развития интеграционных процессов в сфере НТИ и его системного правового регулирования является реализация мер и инициатив, исходящих от государств – членов, органов Союза и субъектов научно-технической деятельности по развитию практического взаимодействия в данной области интеграционных процессов.

2. Подсистема договорных правовых основ научно-технологической интеграции

Осью права ЕАЭС в сфере НТИ являются положения учредительного Договора о ЕАЭС⁶. В научных работах, которые посвящены анализу правового регулирования научно-технологической интеграции в ЕАЭС, нашла свое отражение общая позиция относительно правового характера данного закрепления. Как отмечает Е.К. Нечаева, «сотрудничество в сфере научных исследований и технологического развития прямо не отнесено к компетенции Евразийского экономического союза, но вместе с тем возможность для расширения предметной компетенции Союза предусмотрена Договором о ЕАЭС»⁷. Сходной позиции придерживается Н.А. Соколова, отмечая, что «научно-технический прогресс является фактором, порождающим более тесное межгосударственное сотрудничество в форме межгосударственной интеграции. Договор о Евразийском экономическом союзе, в принципе, содержит программные положения в пользу возможности интеграции по научно-технологическим вопросам» [Соколова 2019:154]. С точки зрения А.О. Четверикова, интеграция в сфере науки, как и интеграция в сфере образования и молодежной политики, не входит в компетенцию ЕАЭС согласно учредительному Договору, однако в дальнейшем может войти в данную компе-

тенцию посредством других международных договоров» [Четвериков 2014:120].

Указанный общий подход имеет под собой определенные основания. Во время подготовки Договора со стороны российских и белорусских экспертов высказывались предложения о включении в него отдельной статьи, посвященной научно-технологическому сотрудничеству. Но из-за позиции Казахстана статья 104 «О сотрудничестве в области науки, в технической и космической сферах» проекта Договора была исключена, как, впрочем, были исключены – ст. 101 «Сотрудничество в сфере образования», ст. 103 «Сотрудничество в сфере культуры» и т.д., входившие в часть 4 «Сотрудничество и взаимодействие государств – членов в других областях»⁸. Позиция Казахстана заключалась в том, что новое интеграционное объединение должно ограничиться главным образом вопросами экономической интеграции, хотя эта позиция и не была абсолютно ригористической.

Несмотря на то, что согласно Договору о ЕАЭС сотрудничество в сфере НТИ не рассматривается как самостоятельное направление интеграции, его вполне можно рассматривать как вспомогательное, к тому же отличающееся «сквозным», т.е. кроссотраслевым характером. Это означает, что оно призвано обеспечить реализацию других направлений и одновременно является их аспектом. Поэтому вопросам правового регулирования НТИ-сотрудничества посвящены отдельные положения Договора, касающиеся интеграционного взаимодействия в различных сферах.

Значительное количество положений, посвященных научной, технологической и инновационной кооперации, содержится в Разделе XXIV «Промышленность». Это далеко не случайно, так как одна из целей ЕАЭС – инновационная модернизация экономики, прежде всего обрабатывающего производства. В настоящее время научно-техническая и инновационная деятельность стала неотъемлемым звеном промышленной политики. В п. 4 ст. 92 к развитию инноваций в экономике прямо отнесены такие меры, как

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.06.2020).

⁷ Нечаева Е.К. 2017. Указ. соч. С. 31.

⁸ Проект Договора о ЕАЭС (12.02.2014). Доступ: http://old.economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/doc20140212_1 (дата обращения: 21.06.2020).

развитие технологических и информационных ресурсов для целей промышленного сотрудничества (подп. 6 п. 4 ст. 92), проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок с целью стимулирования высокотехнологичных производств (подп. 7 п. 4 ст. 92). Далее следует указание на формирование технологических платформ и промышленных кластеров в целях достижения современного уровня технологического развития приоритетных отраслей.

Составной частью согласованной стратегии развития АПК является нацеленность на обеспечение продовольственной безопасности и переход к более полному импортозамещению и увеличению объема экспорта, а также намеченный выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью, т.е. выпуск высокотехнологичной продукции. Модернизация и развитие сельскохозяйственного научного и технологического потенциала государств ЕАЭС предполагает, с одной стороны, проведение согласованной сельскохозяйственной политики и гармонизацию нормативно-правовой базы, а во-вторых, формирование совместной научно-технологической инфраструктуры. Поэтому значительное внимание в Договоре уделено научно-технологическому сотрудничеству государств – участников в рамках проведения согласованной агропромышленной политики (Раздел XXV «Агропромышленный комплекс»). Для решения задач согласованной агропромышленной политики в п. 6.1 ст. 95 «Основные направления согласованной (скоординированной) агропромышленной политики и меры государственной поддержки сельского хозяйства» указано научное и инновационное развитие агропромышленного комплекса. В ряду направлений (прогнозирование в агропромышленном комплексе, государственная поддержка сельского хозяйства, регулирование общего аграрного рынка и т.д.) упоминается научное и инновационное развитие агропромышленного комплекса (подп. 6 п. 1 ст. 95).

Если обратиться к Разделу XX «Энергетика» Договора о ЕАЭС (ст. 79–85), то можно видеть отсутствие специальных положений о научно-технологическом и инновационном сотрудничестве. В п. 1(3) ст. 79 «Взаимодействие государств – членов в сфере энергетики» в качестве одного из

основных принципов проведения долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики указывается отсутствие барьеров в сфере торговли не только энергетическими ресурсами, но и соответствующим оборудованием, технологиями и связанными с ними услугами. Следовательно, развитие энергетических технологий Договором прямо не предусматривается.

В ст. 86 «Скоординированная (согласованная) транспортная политика» Раздела XXI «Транспорт» Договора проблематика научно-технологического и инновационного сотрудничества поднимается лишь в самой общей форме. Так, в п. 2(7) данной статьи в качестве одной из задач скоординированной (согласованной) политики выступает снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека, тогда как в п. 3 этой же статьи в качестве одного из приоритетов скоординированной политики указано развитие науки и инноваций в сфере транспорта. Ясно, что здесь непосредственно не предусматривается сотрудничество в данной сфере исследований и разработок, но из приведенного положения ясно следует, что политика государств – членов по развитию науки и инноваций в транспортной сфере должна быть согласованной. В Протоколе о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о ЕАЭС) данные вопросы не затрагиваются.

К договорной базе интересующей нас сферы сотрудничества можно отнести договоры по отраслевым направлениям интеграционного взаимодействия, которые содержат соответствующие положения. Укажем на принятое 25 октября 2019 г. Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза⁹. В ст. 4 Соглашения предусматриваются полномочия Евразийского межправительственного совета по координации и аналитическому обеспечению селекционно-племенной работы, которая проводится в государствах – членах в целях разработки и внедрения инновационных технологий. Таким образом здесь речь идет преимущественно о внедрении данных технологий на базе учреждений государств – членов, которые определяются Межправительственным советом.

⁹ Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза (Москва, 25 октября 2019 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423638/itia_29102019 (дата обращения: 24.06.2020).

Однако такая форма сотрудничества, как совместные исследования и разработки, не рассматривается. Правда, предусмотрена такая форма сотрудничества, как обмен информацией о племенных животных и селекционных достижениях (ст. 5).

Определенный интерес в разрезе предмета нашей статьи вызывает Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС, принятое 9 августа 2019 г.¹⁰ Данное Соглашение предусматривает контроль и надзор при перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС при осуществлении взаимной торговли государств – членов. В дополнение к этому оно призвано содействовать выполнению международных обязательств государств – членов по Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г.¹¹ Как известно, ст. 10 Базельской конвенции предусматривается сотрудничество государств по разработке и применению новых, экологически обоснованных технологий, совершенствованию имеющихся технологий, которые являются основой экологически обоснованного использования опасных отходов, а также сотрудничество в сфере ликвидации производства данного рода отходов. В Соглашении же ЕАЭС данного рода положения отсутствуют. Несомненно, что в процессе его реализации подобного рода вопросы так или иначе возникнут перед государствами – членами. Тем более, что это вполне соответствует курсу на разработку технологий по охране окружающей среды, которые, как мы покажем ниже, входят в перечень приоритетных направлений научно-технологического сотрудничества государств – членов. Сказанное позволяет понять, что стратегический курс на вхождение в Четвертую промышленную революцию одновременно включает в себя совместные усилия государств –

членов в сфере разработки и передачи экологически чистых технологий [Shugurov 2018]. Все это вполне объяснимо тем, что новая индустриализация в рамках современной парадигмы общественного развития понимается как составная часть перехода к устойчивому развитию. Как известно, цели последнего закреплены в тематическом документе ООН¹².

Аналогичные выводы можно сделать и в отношении Соглашения о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов ЕАЭС 2015 г., вступившего в силу 1 февраля 2019 г.¹³ В преамбуле Соглашения государства – члены выразили данного Соглашения приверженность принципам выполнения своих международных обязательств, которые предусмотрены Венской конвенцией об охране озонового слоя 1985 г.¹⁴, а также обязательств, вытекающих из Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г.¹⁵ Напомним, что обязательства по осуществлению различных форм научно-технического сотрудничества предусмотрены в ст. 4 Венской конвенции об охране озонового слоя и ст. 9 Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой.

Таким образом, договорная база в части регулирования сотрудничества в сфере НТИ достаточно фрагментарна. К обсуждению возможных сценариев ее развития мы обратимся в п. 5 нашей статьи.

3. Подсистема вторичного права ЕАЭС в сфере регулирования отраслевой научно-технологической интеграции

В ситуации установленных пробелов в рамках договорных международно-правовых основ научно-технологической интеграции ЕАЭС впол-

¹⁰ Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС (Чолпон-Ата, 9 августа 2019 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422722/itia_12082019 (дата обращения: 28.06.2020).

¹¹ Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г. Доступ: <http://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/text/BaselConventionText-r.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

¹² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Док. ГА ООН А/RES/70/1 (21 октября 2015 г.). Доступ: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 12.09.2020).

¹³ Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов ЕАЭС (Бурубай, 29 мая 2015 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147901/itia_02062015 (дата обращения: 08.07.2020).

¹⁴ Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 07.07.2020).

¹⁵ Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 15.07.2020).

не естественно обратиться к анализу еще одной подсистемы в рамках права ЕАЭС в сфере НТИ. Она представлена актами вторичного права, а именно актами органов ЕАЭС. Напомним, что согласно п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС в право Союза входят не только международные договоры в рамках Союза и международные договоры Союза с третьей стороной, но и решения органов Союза – Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, которые приняты в рамках их полномочий.

В литературе можно встретить тезис о том, что до настоящего времени практически единственным документом ЕАЭС, который непосредственно затрагивает вопросы интеграции в сфере науки, технологий и инноваций является Распоряжение Совета ЕЭК от 16 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных Евразийских технологических платформ» [Дьяконова, Рахматуллина 2019: 136]. На наш взгляд, это заметное упрощение положения дел. Необходимость обоснования такой констатации побуждает заняться исследованием достаточно сложной конфигурации подсистемы вторичного права ЕАЭС в сфере НТИ.

В качестве первого блока рассматриваемой подсистемы выделим акты, в которых закрепляются приоритетные направления НТИ-сотрудничества в целом. В детальном виде данные направления раскрываются, например, в Приложении к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 г. № 5. Перечень включает в качестве приоритетов разработку новых лекарственных препаратов, развитие ресурсо- и энергосберегающих технологий, биотехнологий, технологий охраны окружающей среды, клеточных технологий. Все это учитывает самые современные тенденции технологического развития: в качестве одного из приоритетов в п. 10 выделено развитие систем числового программного управления для высокотехнологичных средств

производства (станков, промышленных роботов и т.д.). В дополнение к этому в п. 11 выделена разработка средств производства (в том числе продукции станкостроительной отрасли), которые соответствуют требованиям и технологическим стандартам Индустрии-4.0. С нашей точки зрения, рассматриваемый перечень явно нуждается во включении в него в качестве приоритетного направления развитие широкого спектра цифровых технологий (облачных вычислений, искусственного интеллекта, технологий больших данных т.д.).

Второй блок представлен многочисленными актами, в которых детализируется порядок научно-технологического взаимодействия в рамках отраслевого сотрудничества. Как бы то ни было, большинство актов, нацеленных на стимулирование научно-технологической интеграции в конкретной научно-технологической области, имеют рекомендательный характер. Их роль, как представляется, заключается в содействии выполнению положений актов, входящих в право Союза, конкретизации направлений сотрудничества и, что самое главное, – в стимулировании сотрудничества как самих государств, так и предприятий, учреждений и организаций, находящихся в их юрисдикции.

Суть Рекомендации Коллегии ЕЭК № 30 от 13 декабря 2017 г. «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства продукции цветной металлургии»¹⁷ сводится к побуждению указанных предприятий к тому, чтобы они в рамках развития кооперации осуществляли совместное производство инновационной продукции на основе имеющихся современных технологий, которыми они располагают. Аналогичная формулировка содержится в п. в) ст. 1 Рекомендации Коллегии ЕЭК от 14 октября 2019 г. № 30 «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕЭК в сфере судостроения и производства судового комплектующего оборудования»¹⁸.

¹⁶ Приложение к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 г. № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств-членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017_5 (дата обращения: 23.05.2020).

¹⁷ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2017 г. № 30 «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства продукции цветной металлургии». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417995/clcr_15122017_30 (дата обращения: 23.05.2020).

¹⁸ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 14 октября 2019 г. № 30 «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕЭК в сфере судостроения и производства судового комплектующего оборудования». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425034/clcr_17102019_30 (дата обращения: 24.05.2020).

В ЕАЭС акцент ставится на использовании, освоении новых технологий и их дальнейшего распространения не только в тяжелой, но и в легкой промышленности в форме совместных проектов на базе объектов инновационной инфраструктуры инжиниринговых центров, технопарков, бизнес-инкубаторов и т.д. Особенностью Приложения № 1 «Перечень перспективных направлений исследований и разработок в сфере легкой промышленности, а также научных организаций и предприятий, их осуществляющих» к Рекомендации ЕЭК № 28 от 13 декабря 2016 г.¹⁹ является указание на разработку и внедрение эффективных и экологически чистых технологий отделки тканевых материалов, а также ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий окраски и отделки тканей.

Как мы уже отмечали выше, сотрудничество государств в сфере АПК означает про-ведение согласованной агропромышленной политики, а также реализацию совместных проектов, в том числе в научно-технической сфере. Весьма важным представляется формирование согласованных подходов по поддержке наиболее перспективных сельскохозяйственных исследований и разработок, а также рациональный выбор тем и направлений научно-технологического взаимодействия. Ключевое значение для кооперации организаций государств ЕАЭС в сфере сельскохозяйственных НИОКР имеет такой нормативный правовой акт, как Порядок организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе, который утвержден Решением Евразийского межправительственного совета от 26 мая 2017 г. № 1²⁰. В нем предусматривается организационно-правовой механизм взаимодействия государств – членов и ЕЭК в процессе реализации совместных НИОКР. На наш взгляд, это

ключевой документ, устанавливающий правовые рамки НТС-сотрудничества ЕАЭС в сфере АПК. Внимание к указанным НИОКР и технологиям обусловлено политикой диверсификации сельскохозяйственного производства и экспорта.

В свою очередь важную ориентирующую роль выполняет рекомендательный Перечень перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов ЕАЭС, содержащийся в приложении к Рекомендации Коллегии ЕЭК № 14 от 8 июля 2015 г.²¹ Данный перечень преследует своей целью эффективное использование научного потенциала, развитие и углубление сотрудничества государств – членов ЕАЭС в научной и инновационных областях. Перечень, предусматривающий четырнадцать приоритетных тем сотрудничества, призван стать важным инструментом осуществления совместной научно-исследовательской деятельности, а также разработки механизмов проведения совместных научных исследований в рассматриваемой сфере. Коллегия ЕЭК рекомендовала использовать данный перечень как основу координации в процессе осуществления совместной научной и инновационной деятельности в сфере АПК²². Общим контекстом здесь выступает переход к инновационной модели сельского хозяйства при разумнейшей сбалансированности с обеспечением занятости в контексте повышения конкурентоспособности данного сектора.

Нельзя также не отметить, что существует целый ряд рекомендаций Коллегии, приложения к которым представляют собой перечень мер, специально направленных на развитие сотрудничества государств – членов в конкретных секторах АПК. В данных перечнях в большинстве случаев предусматриваются меры по развитию научно-технического сотрудничества: обмен опытом,

¹⁹ Рекомендация ЕЭК от 13 декабря 2016 г. № 28 «О реализации совместных проектов по освоению и применению государствами – членами ЕАЭС новых технологий в легкой промышленности». Приложение 1: Перечень перспективных направлений исследований и разработок в сфере легкой промышленности, а также научных организаций и предприятий, их осуществляющих. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414486/clcr_15122016_28 (дата обращения: 15.07.2020).

²⁰ Решение Евразийского межправительственного совета от 26 мая 2017 г. № 1 «О порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе». Приложение: Порядок организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414615/icd_29052017_1 (дата обращения: 29.05.2020).

²¹ Рекомендация Коллегии ЕЭК № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов ЕАЭС до 2020 г.». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148046/clco_09072015_14. (дата обращения: 11.07.2019).

²² Рекомендация Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2016 г. № 25 «О координации совместной научной и инновационной деятельности государств – членов ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414525/clco_15122016_25 (дата обращения: 02.06.2020).

проведение отраслевых исследований в форме совместных проектов, разработка и внедрение инновационных технологий, а также подготовка и переподготовка кадров²³.

Развитие положений Договора о ЕАЭС, в которых затрагиваются вопросы научно-технического и инновационного сотрудничества в транспортной сфере, можно увидеть в «Основных направлениях и этапах скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС», утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19²⁴. В данном документе в число направлений сотрудничества отнесено установление связи между кооперационными проектами по развитию объектов индустриально-инновационной инфраструктуры (промышленных кластеров, индустриальных парков и технопарков) с планируемыми и реализуемыми в государствах – членах национальными проектами по созданию объектов транспортной инфраструктуры. В свою очередь здесь можно увидеть конкретизацию положения п. 3(7) ст. 86 «Скоординированная (согласованная) транспортная политика» Договора. В частности, в содержание дан-ного приоритета включено планирование и проведение совместных исследований в целях разработки и внедрения инновационных технологий и интеллектуальных транспортных систем, энергосберегающих и зеленых технологий, информационных технологий организации перевозок, беспилотных транспортных средств. Во многом это вполне соответствует тенденциям Четвертой промышленной революции. Тем бо-

лее об этом свидетельствует планируемое формирование на программной основе цифровых платформ экосистемы цифровых коридоров²⁵.

В современных условиях особое значение начинают приобретать инновационные инфраструктурные решения в организации научно-технологического сотрудничества. Более того, создание инфраструктуры сотрудничества, например, совместных технопарков, кластеров и т.д. становится самостоятельным предметом сотрудничества в рассматриваемой сфере, которое тесно соприкасается с сотрудничеством по использованию опыта наилучших инфраструктурных решений применительно к процессам формирования национальных инновационных систем²⁶. Их создание и функционирование предусматривается в актах первичного и вторичного права Союза.

Важными объектами инновационной инфраструктуры, которые обеспечивают эффективную коммуникацию разработчиков перспективных технологий и их пользователей, являются Евразийские технологические платформы (далее – ЕТП). Правовым актом, на основании которого была запущена совместная работа национальных правительств государств – членов и ЕЭК по формированию ЕТП, выступило Распоряжение Евразийского межправительственного совета № 11 от 29 мая 2015 г. «О формировании Евразийских технологических платформ»²⁷. Положение о формировании и функционировании ЕТП было утверждено Решением Евразийского межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г. (Москва) «Об ут-

²³ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 18 сентября 2018 г. № 18 «О развитии сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства масляничных культур и масложировой продукции». Приложение «Перечень мер по развитию сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства масляничных культур и масложировой продукции», Раздел II. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01418886/clcr_20092018_18 (дата обращения: 19.07.2020); Рекомендация Коллегии ЕЭК от 28 ноября 2018 г. № 26 «О развитии сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства мяса птицы и продукции его переработки». Приложение «Перечень мер по развитию сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства мяса птицы и продукции его переработки», п. 2(г) Раздела II. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420109/clcr_30112018_26 (дата обращения: 19.07.2020).

²⁴ Решение Высшего евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19 «Об основных направлениях и этапах скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС». Приложение: Основные направления и этапы скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415043/scd_11042017_19 (дата обращения: 24.07.2020).

²⁵ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 31 января 2020 г. № 14 «О формировании цифровых транспортных коридоров ЕАЭС». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425804/err_03022020 (дата обращения: 21.05.2020).

²⁶ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 27 декабря 2016 г. № 37 «О распространении наилучших практик создания и обеспечения функционирования объектов индустриально-инновационной инфраструктуры государств – членов ЕАЭС». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01314494/clcr_29122016_37 (дата обращения: 17.06.2020).

²⁷ Распоряжение Евразийского межправительственного совета № 11 от 29 мая 2015 г. «О формировании Евразийских технологических платформ». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147893/ico_02062015_11 (дата обращения: 14.06.2020).

верждении Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ»²⁸. Обращает на себя внимание, что Положение разработано на основе ст. 92 Договора о ЕАЭС и положений Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС до 2020 г. Как следует из п. 4 Положения, цель ЕТП – повышение эффективности кооперационного взаимодействия всех заинтересованных сторон для взаимовыгодного инновационного развития национальных промышленных комплексов, мобилизация научного потенциала государств – членов для совместного решения прикладных задач по разработке инновационных продуктов и технологий с последующим их внедрением в производство.

Важным инфраструктурным объектом в сфере промышленной кооперации выступает Евразийский инжиниринговый центр по станкостроению. Правовой основой его создания является подп. 4 п. 4 и подп. 2 и 4 п. 9 ст. 92 Договора о ЕАЭС. Как отмечается в Концепции создания Инжинирингового центра²⁹, его деятельность направлена на формирование инновационных решений в производственных процессах в целях обеспечения содействия переходу станкостроительной отрасли к новому технологическому укладу («цифровую промышленность»), а также на развитие конструкторско-технологического потенциала государств – членов. И, наконец, на основе Решения Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 2 «О реализации проекта “Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий”»³⁰ стала функционировать Сеть, являющаяся важнейшим механизмом для цифровой трансформации промышленности.

4. Программно-проектные рамки научно-технологической и инновационной интеграции ЕАЭС: правовые основы

К одному из перспективных организационно-правовых инструментов осуществления научно-технологического сотрудничества на региональном уровне относятся программы и проекты, которые должны иметь прочную правовую основу, обеспечивающую четкий порядок их разработки и реализации, что в свою очередь позволит добиться эффективных результатов. В частности, на сегодняшний день можно видеть сформировавшуюся правовую базу, положения которой регулируют совместную проектную деятельность. В Распоряжении Совета ЕЭК от 18 января 2019 г. № 1 «О перспективных интеграционных проектах в ЕАЭС»³¹ признано вполне целесообразным осуществлять проработку перспективных интеграционных проектов, направленных на углубление интеграционного сотрудничества; поддержку предпринимательской инициативы, обеспечение выгод для граждан и бизнеса; разработку интеграционных инициатив в проектном формате, предусматривающем участие, как правило, всех, но не менее трех государств – членов, а также хозяйствующих субъектов государств – членов.

В связи с тем, что научно-технологическое сотрудничество в ЕАЭС имеет отраслевой характер, разработка программ и проектов с научно-технологической составляющей предусмотрена в положениях специальных актов. Данные положения вполне могут рассматриваться как одна из подсистем права ЕАЭС в сфере НТИ-сотрудничества.

Согласно Положению о разработке, финансировании и реализации межгосударственных

²⁸ Решение Евразийского межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г. «Об утверждении Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410052/icd_14042016_2 (дата обращения: 16.06.2020).

²⁹ Решение Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 1 «О Концепции создания Евразийского инжинирингового центра станкостроения». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410056/icd_15042016_1 (дата обращения: 24.06.2020).

³⁰ Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 2 «О реализации проекта “Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий”». Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/554459352> (дата обращения: 21.07.2020).

³¹ Распоряжение Совета ЕЭК от 18.01.2019 г. № 1 «О перспективных интеграционных проектах в ЕАЭС». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420773/cnco_22012019_1 (дата обращения: 28.05.2020).

программ и проектов в промышленной сфере³², разработанному в целях реализации подпункта 4.4.3 «Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС», промышленное сотрудничество участников соответствующих программ (проектов) включает в себя научно-техническое и инновационное сотрудничество. Так, важнейшим требованием к программам и проектам выступает принципиальная новизна и перспективность технических, организационных и иных решений, которые необходимы для широкого распространения инноваций и повышения конкурентоспособности промышленной продукции (п. 7(б)). Кроме этого, в ежегодном отчете о результатах реализации программы (проекта) должны содержаться сведения о результатах научно-исследовательских работ и внедрении соответствующих научно-технологических и инновационных разработок, а также сведения об их эффективности.

К существенной части программного обеспечения НТИ-сотрудничества следует отнести программы формирования отраслевых рынков, утверждаемые Высшим евразийским экономическим советом. Полагаем, что НТИ-сотрудничество является одним из аспектов этих программ по той причине, что общие рынки нацелены на беспрепятственное движение не только товаров, услуг, рабочей силы, капитала, но и технологий. Так, формирование условий для функционирования общего рынка газа предусматривает Программа формирования общего рынка газа ЕАЭС³³. В свою очередь она предполагает проведение разнообразных мероприятий, в том числе технологического характера, которые планируются к проведению в рамках совместных проектов в газовой отрасли (п. 59), в том числе по обмену технической информацией (п. 26). Однако специальные положения о сотрудничестве в сфере НТС в газовой сфере в целом отсутствуют. Аналогичная ситуация характерна для соответствующих программ и концептуальных документов в сфере формирования общего рынка

электроэнергии, а также общего рынка нефти и нефтепродуктов.

К сожалению, общие и отраслевые межгосударственные программы в сфере научно-технологического сотрудничества не разработаны. Однако налицо процесс разработки отраслевых программ. В качестве полностью разработанной выступает Межгосударственная программа «Интегрированная система государств – членов ЕАЭС по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ)». 13 июля 2020 г. Совет ЕЭК одобрил проект решения Евразийского межправительственного совета в отношении данной программы³⁴. Она предусматривает решение проблемы низкого уровня технологических разработок и расширение внедрения космических и геоинформационных технологий в экономику государств – членов ЕАЭС. Продвижение промышленного и инновационного развития данных технологий в рамках Программы предполагает целый перечень мероприятий, ряд из которых имеет научно-исследовательский (например, НИР «Обоснование проектного облика интегрированной космической системы ДЗЗ государств – членов ЕАЭС») и опытно-конструкторский (модернизация аппаратно-программных комплексов приема данных национальных операторов космических систем ДЗЗ) характер.

Подтверждение необходимости реализации государствами – членами ЕАЭС совместных программ и масштабных высокотехнологичных проектов, которые способны стать символами евразийской интеграции, а также необходимости объединения усилий государств – членов для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ, можно найти в разделе 2 «Формирование “территории инновации” и стимулирование научно-технологических прорывов» Декларации 2018 г. о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

³² Евразийский межправительственный совет. Решение № 1 от 2 февраля 2018 г. «Об утверждении Положения о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01416877/icd_05022018_1 (дата обращения: 04.07.2020).

³³ Программа формирования общего рынка газа ЕАЭС (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422604/scd_07122018 (дата обращения: 08.06.2020).

³⁴ Распоряжение Коллегии ЕЭК от 28 апреля 2020 г. № 54 «О проекте решения Совета ЕЭК о проекте решения Евразийского межправительственного совета «О межгосударственной программе «Интегрированная система государств – членов ЕАЭС по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01225467/err_30042020_54 (дата обращения: 01.05.2020).

В качестве сфер реализации кооперационных проектов с интеграционной составляющей выделены – сельскохозяйственное производство и машиностроение, автомобилестроение, станкостроение, авиастроение и космическая деятельность, легкая промышленность и т.д. В Декларации перечисляются весьма многочисленные направления разработок – «зеленые» технологии, технологии энергоэффективности и энергосбережения, технологии возобновляемых источников энергии, био- и нанотехнологии и др., что вполне обоснованно можно рассматривать в качестве развития Перечня приоритетных направлений сотрудничества государств – членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами – членами.

Как следует из приведенного анализа, в ЕАЭС постепенно разрабатываются и вводятся в действие отраслевые программы, в рамках которых предусматривается кооперация в сфере НТИ. Формирование общей программы в сфере исследований и разработок по аналогии с программой ЕС «Горизонт-2020» могло бы существенным образом укрепить потенциал научно-технологического и инновационного сотрудничества и развития в рамках ЕАЭС. Научно-технологическое сотрудничество осуществляется также в совместных отраслевых проектах. Думается, что достаточно перспективной могла бы стать реализация специальных проектов в сфере исследований и разработок в рамках отраслевых и общих научно-исследовательских программ.

5. Перспективы развития правовой базы интеграционных процессов в сфере науки, технологий и инноваций

Как мы уже отмечали в начале статьи, новизна момента состоит в том, что согласно воле государств – участников Союза взаимодействие в сфере НТИ начинает «собираться» из отдельных, своего рода отраслевых, секторов в целостное явление в рамках евразийской интеграции. Со своей стороны, данные процессы детерминируют развитие архитектуры права ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций.

В экспертно-аналитических кругах в свое время было высказано убеждение о том, что «следует совершенствовать международную договорную основу формирования общего научно-технического пространства, а также способствовать формированию правовых основ обеспечения технологического развития в евразийском интеграционном процессе»³⁵. Безусловно, указанная ремарка имеет самый общий характер, но она отражает выделяемый, например, А.А. Каширкиной вектор правового сотрудничества в рамках ЕАЭС в целом, а именно развитие международно-правовой базы, гармонизацию законодательства, повышение эффективности имплементации принимаемых актов [Каширкина 2016:170].

Как представляется, перед государствами – членами ЕАЭС возникает двуединая задача: во-первых, обеспечить развитие конкретных отраслевых правовых режимов научно-технологической интеграции, следуя тенденции дифференциации, а во-вторых, обеспечить интеграцию данных режимов. Следует учитывать, что их формирование предполагает развитие всех компонентов и «ярусов» рассматриваемого нами правового комплекса. Но в первую очередь это затрагивает его ядро – положения учредительного Договора. Развитие правового блока, включающего акты институциональных органов ЕАЭС, оттеняет необходимость включения в Договор о Союзе специального раздела, посвященного вопросам НТИ, или, по крайней мере, принятие Протокола к Договору. Целесообразность таких шагов можно обосновать тем, что наличие соответствующего раздела в Договоре, как это имеет место, например, в Договоре о функционировании ЕС (раздел XIX «Научные исследования, технологическое развитие и космос»)³⁶, не только создаст системное и прочное ядро права ЕАЭС в сфере НТИ, но и окажет сильнейшее стимулирующее воздействие на выдвижение и реализацию инициатив в рассматриваемой сфере интеграции.

Думается, что имеющиеся в Договоре положения, в принципе, вполне могут быть объединены в одно целое и дополнены иными положениями, отражающими современные тенденции научно-технического прогресса в условиях Четвертой промышленной революции и цифровых трансформаций. Данный раздел должен включать об-

³⁵ Научно-техническое сотрудничество как фактор Евразийской экономической интеграции. Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания за 2015 г. 2015. Москва. С. 62.

³⁶ Treaty on Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union C 326, 26.10.2012, p. 47-390.

щие положения, касающиеся целей и принципов правового регулирования НТИ-сотрудничества, его организационно-правовых форм, а также положения о формировании единого научно-технологического и инновационного пространства. Причем это должно быть не механическое объединение положений разной степени общности, но их особая система, базирующаяся на парадигмальной основе, т.е. базовом идейно-концептуальном представлении о модели научно-технологической интеграции.

На наш взгляд, для ЕАЭС в условиях вызовов Четвертой промышленной революции жизненно необходима наибольшая глубина научно-технологической интеграции, что предполагает объединение научно-технологических комплексов и формирование Единой инновационной системы. Однако вполне очевидно, что понятие «глубина научно-технологической интеграции» является относительным. Например, в рамках общей право-вой модели интеграции, где доминирует международно-правовое начало, степень интеграции будет отлична от степени интеграции в рамках правовой модели, где доминирует наднациональное правовое начало. Как можно видеть, право ЕАЭС в сфере НТИ отражает общую правовую модель интеграции в рамках Союза, которую можно отнести к смешанному типу, для которого характерно сочетание международно-правового и наднационально-правового регулирования при доминировании первого. Модель интеграции ЕАЭС в отличие от коммунитарной модели ЕС обозначается в качестве конвенционной (межправительственной) с одновременным признанием некоторых общих черт [Пименова, 2019:79]. Основным регулятором интеграции в рамках второй модели являются положения международных договоров между государствами – членами интеграционного объединения, но оперативными инструментами здесь являются акты главных органов, которые обеспечивают условия для достижения высокой степени НТИ-интеграции.

Другой вопрос, который привлекает внимание экспертных и научных кругов, заключается в отсутствии в праве ЕАЭС специального международного договора о научно-техническом сотрудничестве. Как отмечает А.О. Четвериков, вполне назрел вопрос о конкретизации и дополнении положений Договора о ЕАЭС, касающихся научно-технологического сотрудничества и имеющих, по сути, программный характер, «посредством специального Договора о евразийской на-

учно-технической интеграции как еще одно-го основополагающего документа, регулирующего интеграционные процессы на постсоветском пространстве в статусе «международного договора в рамках Союза» (ст. 2)» [Четвериков, 2018:47].

Точка зрения, что в рамках ЕАЭС необходимо принять международный договор по вопросам взаимодействия в сфере науки, технологий и инноваций, исходит из посылки о том, что практическая реализация тенденции формирования единого евразийского научно-технологического и инновационного пространства должна предполагать правовую основу, представленную соглашением (соглашениями) о международном научно-техническом сотрудничестве. Однако опыт СНГ показывает, что правовых основ, а именно международных договоров в научно-технической сфере, более чем достаточно, однако о сформированности эффективного научно-технологического пространства говорить затруднительно. К тому же СНГ не предполагает реализацию модели углубленной интеграции. Поэтому в свете данных уточнений зададимся вопросом: может ли выполнить подобного рода международный договор в рамках ЕАЭС функцию правового обеспечения и стимулирования не просто научно-технологического сотрудничества, а именно интеграции?

Согласно подходу ряда авторов, поскольку в рамках ЕАЭС до сих пор не принят специальный международный договор, посвященный вопросам межгосударственного научно-технического сотрудничества, «говорить о полностью сформированной единой политике в области науки и техники на территории ЕАЭС в настоящее время весьма преждевременно» [Дьяконова, Рахматуллина 2019:136]. На наш взгляд, данные высказывания требуют уточнения. Безусловно, в актах права ЕАЭС отражена политика Союза в сфере научно-технологического и инновационного сотрудничества и закреплены ее цели. Однако такое закрепление не имеет целостной формы и не создает основу для формирования и проведения согласованной научно-технологической политики, в том числе согласованной политики государств по научно-технологическому сотрудничеству в рамках ЕАЭС. Поэтому принятие такого договора можно рассматривать как правовое средство, «запускающее» согласование научно-технологической политики, важным аспектом которой должна стать гармонизация национальных законодательств в сфере науки,

технологий и инноваций. Все это – обязательное условие интеграции в научно-технологической сфере.

С учетом сказанного также вполне обоснованным представляется мнение Р.Н. Салиевой о том, что вполне целесообразно было бы «закрепить основные принципы, цели, задачи, направления исследований в Соглашении о единой научно-технической политике и основных направлениях научно-технического сотрудничества государств ЕАЭС» [Салиева 2019: 146]. Здесь следует напомнить, что еще в период функционирования ЕврАзЭС была разработана концепция Основ законодательства об инновационной деятельности, которые устанавливали единые нормы и принципы правового регулирования построения и функционирования инновационной системы [Андреева 2015:64].

Таким образом, на обеспечение интеграции в анализируемой сфере взаимодействия государств – членов должен быть направлен договор о научно-технологическом сотрудничестве, в котором были бы закреплены обязательства по проведению согласованной, а в перспективе и единой научно-технической политики государств – членов, без чего немыслимо формирование и функционирование единого научно-технологического и инновационного пространства. Однако данный договор более уместно рассматривать в качестве Приложения к учредительному Договору. Включение специального раздела в Договор о ЕАЭС и принятие договора о согласованной научно-технической и инновационной политике не исключают друг друга. Вопрос о дублировании здесь не возникает, так как в праве ЕАЭС имеются логические отношения между содержанием Договора, с одной стороны, и содержанием приложений (протоколов) к нему – с другой стороны. Напомним, что ряд приложений посвящен вопросам проведения согласованной (скоординированной) политики по различным направлениям интеграционного взаимодействия.

По всей видимости, ставить точку после только что высказанных соображений преждевременно, так как возможности теоретического рассмотрения совершенствования договорной базы на этом не исчерпываются. Здесь можно сформулировать вопрос о необходимости принятия специального международного договора, но уже не о согласованной научно-технологической политике, а о научно-техническом сотрудничестве, который был бы аналогичен

двусторонним договорам, заключенным между государствами – членами ЕАЭС, но в право ЕАЭС не входящим.

Специальный международный договор в сфере научно-технологического сотрудничества так или иначе будет напоминать двусторонние договоры о научно-техническом сотрудничестве, заключенные между государствами ЕАЭС. Разумеется, подобного рода договор не обесценит действующие двухсторонние договоры, так как государства – члены, несмотря на их членство в ЕАЭС, сохраняют полное право на осуществление двухстороннего научно-технологического сотрудничества. Но все же наибольшие перспективы характерны для многостороннего сотрудничества, ибо указанные договоры не предполагают интеграции научно-технологических комплексов. Вместе с тем двусторонние договоры можно рассматривать как важные инструменты подкрепления потенциала научно-технологического взаимодействия. Однако по мере развития договорной базы ЕАЭС вполне может возникнуть вопрос о координации участия в отмеченных двусторонних договорах и координации выполнения предусмотренных в них обязательств.

Если вспомнить предысторию принятия Договора о ЕАЭС, то к его проекту было предусмотрено Приложение № 30 – Протокол о сотрудничестве государств – членов в области науки, технической и космической сферах. Само название Протокола, не говоря уже о его содержании, говорит о его гибридном характере. Поэтому вряд ли целесообразно в одном акте договорного характера объединять воедино положения, содержание которых может относиться к договору о согласованной научно-технологической политике, общему договору о научно-технологическом сотрудничестве и договору о научно-технологическом сотрудничестве в конкретной области исследований.

В рамках обсуждения проблематики разработки и заключения договоров о научно-технологическом сотрудничестве неизбежно возникает вопрос о договорах специального характера, посвященных конкретным направлениям (биотехнологии, ИКТ, нанотехнологии, исследование и освоение космоса и т.д.), тематическим вопросам (правовой статус научных работников) и организационно-правовым аспектам научно-технологической интеграции (функционирование объектов совместной научно-исследовательской инфраструктуры). По-

лагаем, что заключение подобного рода договоров вполне целесообразно, хотя, как показывает практика, такие инфраструктурные объекты, как ЕТП, уже вполне успешно функционируют не на основе международных договоров, а на основе актов, принятых институциональными органами ЕАЭС. Поэтому наращивание договорной базы не должно оставлять в тени дальнейшее развитие вторичного права, а также реализацию потенциала программного метода регулирования научно-технологической интеграции. Но во всех случаях успех возможен только при четком выполнении международно-правовых обязательств и выполнении положений актов, в том числе рекомендательных, исходящих от органов Союза. Разработка общих мер по повышению дисциплины внутри Союза, включая наделение Комиссии функциями контроля за исполнением наднациональных решений, норм и правил в целом и в сфере научно-технологического сотрудничества в частности, особенно в проектной области, будет содействовать решению проблемы «недоинтеграции» в сфере НТИ.

6. Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, сделаем ряд выводов. Итак, вполне обоснованно утверждать, что в настоящее время оформились тематические блоки права ЕАЭС в сфере регулирования научно-технологического и инновационного сотрудничества. Они представляют собой нормы, закрепленные в актах права ЕАЭС, имеющих различную юридическую силу. Однако данное право еще не представляет собой завер-

шенной подсистемы в составе права Союза. Это заметно по неполноте договорной базы и по различной степени интенсивности охвата регулирующим воздействием тех или иных направлений интеграции, предполагающих научно-технологическое взаимодействие. В последнем случае это означает большое количество норм, регулирующих научно-технологическое взаимодействие в сфере промышленности и АПК при явном их дефиците в энергетической сфере. В определенном смысле такое положение дел вполне можно охарактеризовать как дисбаланс.

Все сказанное следует воспринимать не как всего лишь констатацию недостатков, а как то, что указывает на возможные перспективы развития правового комплекса ЕАЭС в сфере НТИ. Его развитие должно преследовать своей целью создание надлежащих правовых условий для ускорения научно-технологической интеграции ЕАЭС. Как представляется, формирование комплексного права ЕАЭС в сфере НТИ должно быть основано на следующих принципах: 1) избегание форсированного правового регулирования, что означает разработку нормативных положений именно в ответ на возникшие устойчивые взаимодействия в сфере НТИ, нуждающиеся в правовом урегулировании; 2) сбалансированное развитие положений первичного и вторичного права; 3) четкое следование правовой модели Союза; 4) учет в процессе формирования и функционирования модели правового регулирования научно-технологического сотрудничества ЕАЭС современных инфраструктурных изменений, связанных с распространением цифровых платформ.

Список литературы

1. Абдуллин А.И., Ситдикова Р.И., Тюрина Н.Е. 2019. Правовые основы и особенности международного регионального сотрудничества в области научных исследований. – *Российский юридический журнал*. № 3. С. 21–25.
2. Андреева Л.В. 2015. Формирование нормативной правовой основы для создания единого инновационного пространства в Евразийском экономическом союзе. – *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. № 3. С. 52–64.
3. Ануфриева Л.П. 2017. О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации. – *Lex Russica*. № 9. С. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.130.9.116-126>.
4. Байдулин М.С., Борталевич С.И., Логинов Е.Л. 2016. Экономическая интеграция в научно-технической сфере государств-участников ЕАЭС. – *Вестник Казахского университета им. аль-Фараби. Серия: экономическая*. № 6. С. 48–52.
5. Дьяконова А.А., Рахматуллина О.В. 2019. Правовое регулирование научно-технического сотрудничества в условиях современной региональной интеграции: опыт Республики Казахстан. – *Право и государство: теория и практика*. № 10. С. 134–136.
6. Капустин А.Я. 2015. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. – *Журнал российского права*. № 11. С. 59–69.
7. Каширкина А.А. 2016. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность. – *Журнал российского права*. № 1. С. 160–171. DOI: <https://doi.org/10.12737/21996>.
8. Петрова Г.В. 2017. Формирование интеграционного права ЕАЭС в условиях глобализации и регионализации экономических процессов и макроэкономический эффект унификации и гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС. – *Международное*

- сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право.* № 3. С. 28–40.
9. Пименова О.И. 2019. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ. – *Вестник международных организаций.* № 1. С. 76–93. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-05
 10. Салиева Р.Н. 2019. Правовые основы научно-технического сотрудничества государств Евразийского экономического союза. – *Вестник экономики, права и социологии.* № 3. Т. 2. С. 144–147.
 11. Славнецкова Л.В., Мызрова О.А. 2016. Формирование и развитие инновационной системы стран ЕАЭС на основе кластерного подхода. – *Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика, Управление, Право.* Т. 16. Вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-1-62-69.
 12. Соколова Н.А. 2017. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права. – *Lex Russica.* № 11. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057>
 13. Соколова Н.А. 2019. Международно-правовые вопросы реализации научно-технического сотрудничества. – *Lex Russica.* № 9. С. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157>.
 14. Четвериков А.О. 2014. Правовые основы и перспективы евразийской интеграции в сферах науки, образования и молодежной политики. – *Международно-правовые чтения.* Отв. ред. П.Н. Бирюков. Воронеж: Воронежский государственный университет. Вып. 3(14). С. 104–126.
 15. Четвериков А.О. 2018. Организационно-правовые формы большой науки (мега-сайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование (Часть 2). – *Юридическая наука.* № 2. С. 34–50.
 16. Шугуров М.В. 2020. Парадигма научно-технической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС – *Актуальные проблемы современности: наука и общество.* № 1. С. 30–35.
 17. Karliuk M. 2017. The Eurasian Economic Union: An EU-Inspired Legal Order and Its Limits – *Review of Central and East European Law.* Vol. 42. Issue 1. P. 50–72.
 18. Lagutina M. 2014. Eurasian Economic Union Foundation issues of Global Regionalization – *Eurasia Border Review.* Vol. 5. No. 2. P. 95–112.
 19. Perskaya V.V. 2018. Integration Process in the Eurasian Economic Union (EAEU): Interstate Relations Instead of Supranationality under the Conditions of Multipolarity – *Espacios.* Vol. 38. No. 11. P. 11.
 20. Shugurov M.V. 2018. Promising Policy Efforts on Development and Transfer of Environmentally Sound Technologies – *Environmental Policy and Law.* Vol. 48. Issue 6. P. 403–410.
 21. Sopilko N.Yu., Shatalova I.I., Navrotskaia N.A. 2018. Integration Potential for Technological Cooperation of the EAEU Countries – *Advances in Social Science, Education and Humanities Research.* Vol. 240. P. 616–622.
 - Foundation and Features of International Regional Cooperation in the Field of Scientific Research]. – *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal.* 2019. No. 3. P. 21–25. (in Russ.)
 2. Andreeva L.V. Formirovanie normativnoj pravovoj osnovy dlya sozdaniya edinogo innovacionnogo prostranstva v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze [Formation of the Legal and Regulatory Framework for the Creation of a Single Innovation Space in the Eurasian Economic Union]. – *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo.* 2015. No. 3. P. 52–64. (in Russ.)
 3. Anufrieva L.P. O nekotoryh teoreticheskikh podhodah k pravu evrazijskoj integracii i ee institucionalizacii [Some Theoretical Approaches to Eurasian Integration Law and Its Institutionalization]. – *Lex Russica.* 2017. No. 9. P. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.130.9.116-126> (in Russ.)
 4. Bajdurin M.S., Bortalevich S.I., Loginov E.L. Ekonomicheskaya integraciya v nauchno-tehnicheskoy sfere gosudarstv-uchastnikov EAES [Strategic Integration in Science and Technologies of the Eurasian Economic Union]. – *Vestnik Kazahskogo universiteta im. al-Farabi. Seriya: ekonomicheskaya.* 2016. No. 6. P. 48–52. (in Russ.)
 5. Chetverikov A.O. Pravovye osnovy i perspektivy evrazijskoj integracii v sferah nauki, obrazovaniya i molodezhnoj politiki [The Legal Framework and Prospects of the Eurasian Integration in the Areas of Education, Scientific Research and Youth Policy]. – *Mezhdunarodno-pravovye chteniya.* Отв. ред. П.Н. Бирюков [International Law Readings. Ed. by Biryukov P.N.]. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet Publ. 2014. Issue 3(14). P. 104–126. (in Russ.)
 6. Chetverikov A.O. Organizacionno-pravovye formy bol'shoj nauki (megasajens) v usloviyah mezhdunarodnoj integracii: sravnitel'noe issledovanie (Ch. 2) [Institutional and Legal Forms of Big Science (Megascience) in the Context of International Integration: Comparative Study Part 2]. – *Yuridicheskaya nauka.* 2018. No. 2. P. 34–50. (in Russ.)
 7. D'yakonova A.A., Rahmatullina O.V. Pravovoe regulirovanie nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva v usloviyah sovremennoj regional'noj integracii: opyt Respubliki Kazahstan [Legal Regulation of Scientific and Technical Cooperation in the Context of Modern Regional Integration: Experience of the Republic of Kazakhstan]. – *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* 2019. No. 10. P. 134–136. (in Russ.)
 8. Kapustin A.Ya. Pravo Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: mezhdunarodno-pravovoj diskurs [The Law of Eurasian Economic Union: International Legal Discourse]. – *Zhurnal rossijskogo prava.* 2015. No. 11. P. 59–69. (in Russ.)
 9. Karliuk M. The Eurasian Economic Union: An EU-Inspired Legal Order and Its Limits – *Review of Central and East European Law.* 2017. Vol. 42. Issue 1. P. 50–72 (In English).
 10. Kashirkina A.A. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: rasshirenie granic i pravovaya real'nost' [EURASIAN ECONOMIC UNION: BORDERS EXTENSION AND LEGAL REALITY] – *Russian Law Journal.* 2016. No. 1. P. 160–171. DOI: <https://doi.org/10.12737/21996> (in Russ.)
 11. Lagutina M. Eurasian Economic Union Foundation issues of Global Regionalization – *Eurasia Border Review.* 2014. Vol. 5. No. 2. P. 95–112 (In English).

References

1. Abdullin A.I., Sitdikova R.I., Tyurina N.E. Pravovye osnovy i osobennosti mezhdunarodnogo regional'nogo sotrudnichestva v oblasti nauchnyh issledovanij [Legal

12. Perskaya V.V. Integration Process in the Eurasian Economic Union (EAEU): Interstate Relations Instead of Supranationality under the Conditions of Multipolarity – Espacios. 2018. Vol. 38. No. 11. P. 11 (In English).
13. Petrova G.V. Formirovanie integracionnogo prava EAES v usloviyah globalizacii i regionalizacii ekonomicheskikh processov i makroekonomicheskij effekt unifikacii i garmonizacii zakonodatel'stva gosudarstv – chlenov EAES [Formation of the Integration Law of the EAEU in the Context of Globalization and Regionalization of Economic Processes and the Macroeconomic Effect of Unification and Harmonization of the Legislation of the Member States of the EAEU]. – *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*. 2017. No. 3. P. 28–40. (in Russ.)
14. Pimenova O.I. Pravovaya integraciya v Evropejskom soyuze i Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: sravnitel'nyj analiz [Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis]. – *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 2019. No. 1. P. 76–93. (in Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-05
15. Salieva R.N. Pravovye osnovy nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva gosudarstv Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Legal Basis of Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation and CIS Countries and the EAEU in the Fuel and Energy Sector]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 2019. No. 3(2). P. 144–147. (in Russ.)
16. Shugurov M.V. Paradigma nauchno-tekhnicheskoy i innovacionnoj integracii v ramkah EAES [Modernization Paradigm of EU Copyright Law in the Context of Digital Economy]. – *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*. 2020. No. 1. P. 30–35. (in Russ.)
17. Shugurov M.V. Promising Policy Efforts on Development and Transfer of Environmentally Sound Technologies – Environmental Policy and Law. 2018. Vol. 48. Issue 6. P. 403–410 (In English).
18. Slavnetskova L.V., Myzrova O.A. Formirovanie i razvitie innovacionnoj sistemy stran EAES na osnove klasternogo podhoda [Formation and Development of Innovative Systems of the EAEC Clustering Based Economy]. – *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Ekonomika, Upravlenie, Pravo*. 2016. Vol. 16. Issue 1. P. 62–69. (in Russ.)
19. Sokolova N.A. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: pravovaya priroda i priroda prava [The Eurasian Union: the Legal Nature and Nature of Law]. – *Lex Russica*. 2017. No. 11. P. 47–57. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057>
20. Sokolova N.A. Mezhdunarodno-pravovye voprosy realizacii nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [International Legal Issues of Implementation of Scientific and Technological Cooperation]. – *Lex Russica*. 2019. No. 9. P. 146–157. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157>
21. Sopilko N.Yu., Shatalova I.I., Navrotskaia N.A. Integration Potential for Technological Cooperation of the EAEU Countries – Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 240. P. 616–622 (In English).

Информация об авторе

Шугуров Марк Владимирович,

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии.

410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1.

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961

About the Author

Shugurov Mark Vladimirovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Saratov State Law Academy.

1, Vol'skaya st., Saratov, Russian Federation, 410056

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961